

Ваша знаменитые знакомые

Около тридцати работ в кино. Множество ролей, сыгранных на сцене Ленинградского академического театра имени А. С. Пушкина, и среди них удостоенные премии имени К. С. Станиславского роли Маттиаса Клаузена в пьесе Г. Гауптмана «Перед заходом солнца» и Сальери в трагедии Пушкина...

Вы уже догадались, речь идет о народном артисте СССР Николае Константиновиче Симонове. Это имя знает, пожалуй, каждый в нашей стране. Но далеко не всем, даже в ленинградском театральном мире, известно, что Симонов давно страстно и серьезно занимается живописью, что на сцену он пришел из Академии художеств, где проучился почти три года, был учеником крупного русского живописца А. А. Рылова. Квартира актера больше похожа на мастерскую художника: повсюду портреты, композиции, загрунтованные холсты...

— Я и не помышлял быть актером, — говорит Николай Константинович. — В детстве мечтал стать путешественником — очень люблю природу. Да иначе, наверное, и быть не должно: человек, выросший на Волге, не может остаться безразличным к русской природе. Я родился в Самаре. Мальчишкой часто уезжал к рыбакам, проводил недели на Волге, за Волгой. Тогда и захотелось впервые передать увиденное на полотне. Учился в Самарской художественно-промышленной школе, но недолго — уехал в Петроград и в 1919 году стал студентом Академии художеств. То было бурное время решительной переоценки всех и всяческих ценностей в искусстве; коснулись эти взгляды и живописи — началось увлечение абстракциями, нагромождениями геометрических плоскостей, объемов. А мне не хотелось изменять живой природе и живым людям, и я ушел из академии, хотя и не представлял, чем буду заниматься дальше. Чтобы как-то прожить, работал грузчиком, матросом, курьером. Но чем дальше уходил от искусства, тем сильнее чувствовал, что оно меня влечет неумолимо, но уже не столько живопись, сколько театр. В 1922 году поступил в Институт сценических искусств. С тех пор и навсегда театр — мое главное дело.

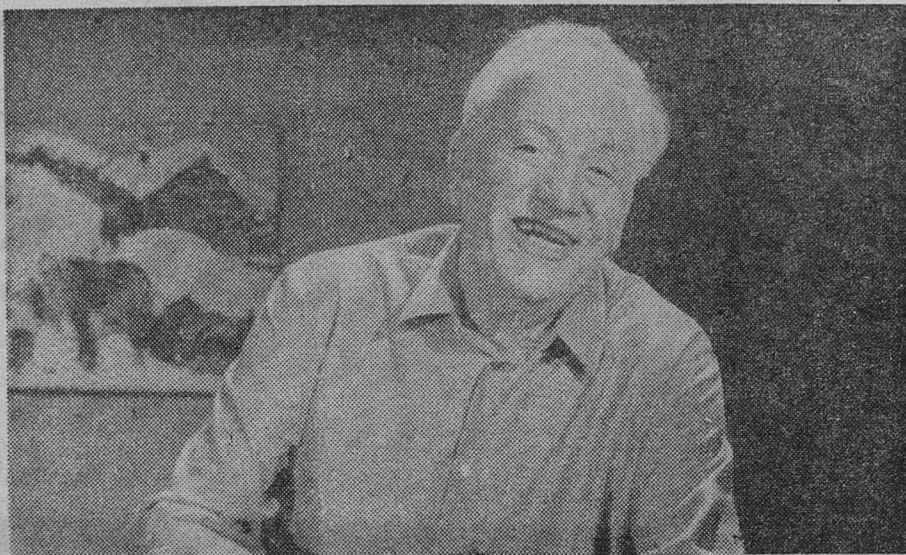
— А случается Симонову-актеру призывать на помощь Симонова-художника? Делать, скажем, эскизы к ролям?

— Само собой, обязательно берусь за кисть, как только выпадает время, свободное от театра и кино. Но специально для роли не пишу. Раньше иногда пробовал найти и передать красками то, что предстояло воплотить голосом, жестом, но обычно выходит не так, как я потом играю. Да это ведь и нелегко — определить, что лучше удастся, на полотне или на сцене.

— Но, конечно, работе над ролью сопутствуют иные поиски, исследования?

— Мне много приходилось читать о своих работах, о том, как я все это делаю. Читать об этом очень интересно... Но, если говорить серьезно, на такой вопрос я даже сам себе ответить не могу. Процесс рождения образа многосложен, труден, продолжителен. Это — вся жизнь, весь опыт, мировоззрение.

— Многие актеры пробуют или мечтают ставить спектакли. Посвящали ли вы себя режиссуре? Или как художник оформляете постановки?

ДВА КОЛЕСА НИКОЛАЯ СИМОНОВА

— Был такой грех. В Куйбышеве поставил и оформил «Доходное место», в Ленинграде — «Бесприданницу», ряд других спектаклей. Но хоть критика и отметила, что это было сделано не без успеха, я все же решил есть один хлеб — актерский. По моему убеждению, в театре надо заниматься одним делом — либо играть, либо ставить, либо оформлять.

— Николай Константинович, как вы считаете, вам везло на режиссеров?

— Мне обычно трудно с режиссерами-диктаторами, которые целиком навязывают исполнителю свою волю, свое толкование роли, не стараясь разгадать за внешностью актера его внутренние данные, его творческий потенциал. Я глубоко уважаю режиссеров, способных вызвать у актера жгучую потребность мыслить, желание самостоятельно искать ключ к решению образа. Почти за полувековую жизнь в театре и кино мне довелось общаться с разными режиссерами — и с теми, и с другими. Особенно приятно было работать с Владимиром Платоновичем Кожичем, Николаем Васильевичем Петровым. Это были люди неумейной творческой фантазии, они обладали даром объединить коллектив большими идеями, умели разгадывать индивидуальность каждого актера, реализовывать его возможности, желания и замыслы для воплощения общего замысла постановки.

— Несколько поколений зрителей знают вас как исполнителя преимущественно главных ролей. А с какой роли началась ваша актерская биография?

— В институте я разучил, репетировал сам с собой больше двадцати ролей (конечно, главных), и когда на третьем курсе Юрий Михайлович Юрьев пригласил меня в труппу Александринского театра, то я втайне надеялся, что получу не «эпизод». Но в первой постановке — «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого — мне дали роль 1-го Волхва, который выходит на сцену лишь для того, чтобы объявить царю приговор судьбы. Тогда я был несколько озадачен, но спустя время понял, что и вправду нет маленьких ролей, а есть маленькие актеры.

— Какие роли вам особенно дороги?

— В кино — Пётр Первый, характер — глыба, которому невозможно было не отдаться полностью. В театре — Федор Протасов в «Живом трупе», Маттиас Клаузен, которого я играю по сей день, уже больше 400 раз, но и сейчас я выхожу на сцену с таким же чувством, как в день премьеры.

— Николай Константинович, вы скоро начнете собираться в театр, а на улице сегодня сыро и сильный ветер. Может ли плохая погода или, к примеру, проигрыш «Зенита» — я вас не однажды видел на стадионе — отрицательно сказаться на вашем творческом состоянии?

— Как-то сам Щепкин высказал такую мысль: актер прежде всего должен понять образ и выстроить правильную душевную партитуру. Потом он может играть по-разному, сегодня — хуже, завтра — лучше (актер живой человек, а причин для расстройства может быть немало), но он будет играть правильно. Конечно, желательно всегда играть лучше, к этому стремись, кстати, и в те дни, когда «Зенит» близок к закату.

— Скажите, вы считаете себя обязанным кому-нибудь за то, что «нашли себя» в искусстве?

— Многим. В первую очередь обязан Леониду Сергеевичу Вивьену и Юрию Михайловичу Юрьеву — терпеливым, добрым и строгим учителям... Обязан слабым актерам — у них учился тому, как надо играть... Но, конечно, по-настоящему обязан большим художникам, кого посчастливилось увидеть. Давно, в год моего дебюта, покинул наш театр Владимир Николаевич Давыдов, но я и сейчас прекрасно помню его Фамусова. Много я видел Хлестаковых, но лучшего Хлестакова, чем сыграл Михаил Чехов, не знаю. Колоссальное впечатление произвел на меня Сандро Моисси — актер немецкого театра, албанец по национальности. По моему, он непревзойденный Гамлет. Знаете, когда игралась сцена Гамлета с матерью, никто из зрителей не мог усидеть на месте — вскакивали, захваченные, восхищенные, втянутые в водоворот происходящего на сцене. Я тоже вставал.

— А кто из молодых актеров вам больше всего по душе?

— А кого с высоты моего возраста считать молодым? Как вы думаете, Олега Ефремова можно? У нас немало богато одаренных, интересных молодых исполнителей, но я все-таки назову это имя: Олег Ефремов. Олег Николаевич.

— Николай Константинович, есть вопрос, не относящийся к театру. Сейчас, идя по вашей улице — улице Фурманова, я вспомнил, что слышал когда-то, будто вы знали Чапаева еще до того, как он стал знаменитым начдивом. Действительно, знали?

— Мы жили с ним на одной улице. Бабочкина, конечно, видели в этой роли? Очень похож! И не столько лицом, сколько манерами, осанкой, голосом, а главное, характер тоже чапаевский. Удивительный это был человек, и удивительно точно показал его людям Бабочкин.

— В «Чапаеве» вам досталась роль не соседа по Самаре, а Жихарева. В связи с этим вы испытывали к Бабочкину чувства, похожие на зависть?

— Было немало случаев, когда я удивлялся, восторгался игрой того или другого актера. Но появлялась ли при этом зависть? Затрудняюсь сказать. Просто после этого хотелось еще больше работать.

— Недавно телевидение показало фильм «Овод», где вами сыгран кардинал Монтанелли, и «Петр Первый». Видели вы в этот раз эти картины? И вообще, вы любите смотреть фильмы с вашим участием?

— Нет, не люблю, и когда последний раз показывались «Петр Первый» и «Овод», я телевизор не включал. Даже во время съемок обычно не смотрю рабочий материал. Некоторые режиссеры обижаются на это, а зря! Если режиссер доверяет мне, пригласив меня на роль, то почему я должен не доверять ему?

— Но только что вышедший телефильм «Николай Симонов» вы, наверное, видели?

— Признаться, хотел посмотреть, однако в час его демонстрации был на сцене. Остается довольствоваться воспоминаниями о работе над этой картиной с интересным молодым режиссером Олегом Ерышевым и другими такими же молодыми ребятами из съемочной группы.

— Интересно узнать, как вы относитесь к зрителям?

— Об этом можно долго размышлять, вспоминать какие-то случаи, связанные с успехами, неудачами. Скажу главное: для меня зрители — полноправные участники спектакля. Вы не можете представить, как тяжело играть при пустом зале...

— Николай Константинович, если бы вас, как сверстника советского театра, попросили подвести итог полувекового развития нашего театрального искусства, что вы отметили бы в первую очередь?

— То, что, имея таких мощных конкурентов, как кино и телевидение, театр не только не утратил, а, наоборот, еще более повысил свою роль в общественной жизни. Голос театра стал громче, правдивее и чище, его идеи, мысли — глубже, актуальнее, человечнее.

— Что, по вашему мнению, важнее для достижения подлинного успеха — талант или трудолюбие?

— А какое колесо важнее у велосипеда — переднее или заднее? Так на подобный вопрос ответил Бернард Шоу. Добавить к его словам, по моему, нечего...

У прекрасного художника Николая Константиновича Симонова есть оба эти «колеса» — необычайный талант и огромное трудолюбие. Свидетельство того — его работы на сцене и в кино, лучшим из которых суждена долгая, быть может, и вечная жизнь.

В. ЗАХАРЬКО.

ЛЕНИНГРАД.